

УТВЕРЖДАЮ

Первый-проректор, проректор по научной
деятельности федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»,
д.ф-м.н., профессор
Дмитрий Альбертович Таюрский

« 17 »

2024 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Марии-Викторовны Куриленко
«Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

Актуальность данного диссертационного исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, неослабевающим интересом как критиков, так и литературоведов к рефлексии становящегося современного литературного процесса, которая предполагает не только попытки панорамного освещения тенденций, определяющих его развитие, но и пристальное монографическое изучение творчества тех или иных писателей. Во-вторых, в последние десятилетия фигура Ю. Буйды все чаще привлекает к себе внимание исследователей. В-третьих, дискуссия вокруг атрибутирования творчества Ю. Буйды, его вписанности в определенную художественную парадигму предполагает, что целостное исследование творчества писателя даст возможность прояснить некоторые общие вопросы, связанные с картиной литературной жизни 1990 – 2000-х годов, границами русского постмодернизма и т.д.

Новизна данной диссертационной работы не вызывает сомнений. Она обусловлена целостным рассмотрением творчества Ю. Буйды, что позволило

автору выдвинуть исследовательскую гипотезу о гипертекстовой жанровой природе творчества писателя. Подобный подход сделал возможным рассмотрение сразу нескольких важных исследовательских задач. Во-первых, диссертант, подробно рассматривая специфику процесса циклизации в творчестве Ю. Буйды, вносит вклад в исследование процессов жанрообразования в современной литературе. Во-вторых, в работе реконструируется целостная художественная концепция творческого мира писателя, позволяющая вычленивть как особенности, определяемые общими тенденциями и стратегиями, характерными для современной прозы, так и выявить специфику авторской картины мира, сакцентировав при этом внимание на особенностях функционирования в его произведениях мифоструктур. Все это определяет и **теоретическую значимость** работы.

Диссертационное исследование имеет традиционную структуру, состоит из введения, четырех глав, заключения и приложения. Значительную часть введения составляет рассмотрение практически всех аспектов и уровней литературоведческой рецепции творчества Ю. Буйды. Следует особо отметить предельно широкий охват материала, что относится не только к этой части диссертации, но и последовательно сохраняется на всем протяжении работы, составляя одно из значимых ее достоинств. Признавая необходимость и результативность подобного анализа, отметим, что единственным его недостатком является своего рода позитивистская отстраненность автора, которая провоцирует некоторую непроясненность определения методологических оснований исследования.

Так, рассматривая все существующие на сегодняшний день подходы к изучению творчества Ю. Буйды, М.В. Куриленко констатирует малозначительность определения творческого метода писателя для своей работы: «Впрочем, спор о модернистской или постмодернистской природе письма Буйды не кажется нам существенно важным» (с. 9). Представляется, что подобная постановка вопроса обусловила некоторую эклектичность в определении методологических основ работы, что обнаруживает себя, прежде

всего в именных рядах исследователей. Например, среди представителей структурно-семиотического подхода упоминается М. Фуко; «анализ мифопоэтики базируется на работах О.М. Фрейденберг, Е.М. Мелетинского, Х. Гюнтера» (с. 17). Понятие «миф» выстраивается на основе «работ О.М. Фрейденберг, А.Ф. Лосева, Е.М. Мелетинского, Р. Барта, Дж. Фрейзера, Х. Гюнтера, Я.Э. Голосовкера, направленных на осмысления феномена мифа, в частности мифа в литературе» (с. 18). Представляется достаточно проблематичной возможность целостного определения понятия «миф» на основе столь методологически различных подходов к его концептуализации.

В дальнейшем эта особенность методологического обоснования работы сказывается в не до конца проясненном соотношении процессов мифологизации – демифологизации – ремифологизации в творчестве Ю. Буйды, одним из проявлений которого становится практически обязательная апелляция к мифологической основе того или иного элемента авторского мифа, тогда как более справедливым было бы рассмотрение специфики их функционирования.

Вместе с тем все вышесказанное вполне компенсируется общей исследовательской логикой, находящей открытое выражение в композиции данной работы. Особый интерес в этом плане представляет первая глава исследования – **«Поэтика прозы Юрия Буйды: основные категории»**, которая отчасти компенсирует некоторую неопределенность методологических подходов. Глава разбита на два отдела, первый из них представляет собой уточнение категориального аппарата, формирующего адекватную систему описания авторского мифа Ю. Буйды, о котором идет речь во втором разделе.

Как уже отмечалось, крайне продуктивной представляется концепция гипертекстовой природы творчества писателя, очень удачным определением при описании жанровых стратегий Ю. Буйды выглядит термин «кластер», понимаемый автором работы как совокупность «значимых фрагментов гипертекста писателя, объединенных изнутри тематически и формально» (с. 16).

Именно это понятие организует следующие две главы – **«Осорьинский кластер в прозе Юрия Буйды»** и **«Чудовский кластер в прозе Юрия Буйды»**. Эти главы представляют собой самые удачные части этой, бесспорно, очень интересной работы. Их внутренняя композиция зеркальна, ее основу составляет предположение о пространственно-топологической доминанте авторского мифа Ю. Буйды. Первые параграфы этих глав посвящены анализу структуры каждого из кластеров, именно эти параграфы уточняются и каталогизируются в приложениях.

Во вторых параграфах убедительно доказывается палимпсестная природа двух ключевых локусов в творчестве Ю. Буйды – Осорьина и Чудова, их последовательный анализ дает М.В. Куриленко возможность реконструировать историософскую концепцию Ю. Буйды, при этом аргументированность выводов подтверждается апелляцией к публицистике писателя. Автор диссертационного исследования отмечает присутствие не просто переключек между художественным и публицистическим высказываниями, но и подчас достаточно тесные текстовые совпадения. М.В. Куриленко приходит к выводу о том, что локус Осорьин становится основой единого метасюжета, связанного с «вечным проживанием исторической судьбы России как мифа о вечном повторении и возвращении (борисов и глебов все в новых инкарнациях)» (с. 75). Сходная семантика обнаруживается ею и в отношении локуса Чудова: «За счет того, что на основателях города, палачах, лежит смертный грех убийств, реализуется архаическая мифология проклятого города и города-блудницы» (с. 100).

Третьи параграфы второй и третьей глав посвящены анализу персонажно-образной системы осорьинского и чудовского кластеров. И в том, и в другом случае автор диссертационного исследования сосредоточивает внимание на анализе историй рода (в первом кластере это условно «борисоглебовский» текст, во втором – «босховский» текст). Анализ проводится на разных уровнях, начиная от мифогенного потенциала имени героев до их включенности в монструозный дискурс.

В четвертой главе – «Поэтика мотива в прозе Юрия Буйды» – рассматривается система мотивов в исследуемых художественных кластерах, на основе теоретических построений выстраивается классификация мотивов, что и определило композицию данной главы: в первом параграфе рассматривается совокупность сквозных мотивов, предметом исследования во втором и третьем параграфах становятся повествовательный мотив греха и интертекстуальные мотивы лимона и лавра. Единственно, что требует уточнения, это выбор интертекстуальных мотивов; если доминантное положение мотива греха четко обосновывается всем предыдущим анализом, то обращение к названным двум интертекстуальным мотивам не столь очевидно.

Все четыре главы характеризуются четкостью, логичностью и выстроенностью выводов. В тоже время заключение носит, скорее, описательный, нежели аналитически-обобщающий характер (видимо, именно этим объясняется достаточно широкое цитирование в заключении тех или иных концепций литературоведов).

При всей новизне и оригинальности исследовательской концепции М.В. Куриленко, объемности и широте представленного в работе анализа и, отчасти, даже благодаря ему появляется ряд вопросов и замечаний, создающих, прежде всего, дискуссионное поле исследования.

1. Хотелось бы прояснить точку зрения автора диссертации на вопрос о вписанности (или невписанности) творчества Ю. Буйды в постмодернистскую художественную парадигму.

2. Представляется необходимым более четкое разграничение авторских стратегий в работе с мифом. В связи с этим уточните как представлены и в каких отношениях находятся в произведениях Ю. Буйды стратегии мифологизации – ремифологизации – демифологизации.

3. Определите систему интертекстуальных мотивов в творчестве Ю. Буйды. Что обусловило выдвижение на первый план мотивов лимона и лавра?

Оценивая диссертацию М.В. Куриленко в целом, следует отметить, что высказанные замечания и вопросы носят дискуссионный характер, ни в коей

мере не затрагивая концептуальных основ работы. В целом диссертационное исследование М.В. Куриленко отличается концептуальностью, четкостью и последовательностью исследовательской концепции, широта ее разработки, весомая аргументированность выводов. Исследование выполнено на должном научно-теоретическом уровне, обладает научной новизной и практической значимостью. Диссертация является самостоятельным научным исследованием, в котором решена важная научная задача, имеющая теоретическое и научно-практическое значение.

Диссертация дает полное представление о результатах исследования, а автореферат и опубликованные работы отражают ее основное содержание. Апробация работы представляется более чем достаточной. Материалы диссертационной работы были представлены на трех международных и двух всероссийских конференциях. Основные положения, выносимые на защиту нашли отражение в трех публикациях в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, утвержденный ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации, а также 9 публикациях в основном в сборниках материалов конференций разного уровня.

Диссертационная работа Марии Викторовны Куриленко на тему «Проза Юрия Буйды: мифопоэтика, циклизация, мотивика» соответствует критериям, установленным п. 9–14 Положения о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842), а также паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации. Всё это позволяет сделать вывод о том, что Мария Викторовна Куриленко заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Настоящий отзыв подготовлен доктором филологических наук (10.01.01 – Русская литература), доцентом, профессором кафедры русской литературы и методики ее преподавания Татьяной Николаевной Бреевой.

Отзыв обсужден и одобрен на заседании кафедры русской литературы и методики ее преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет», протокол № от «17» апреля 2024 года.

17 апреля 2024 года, протокол № 9.

Сведения о ведущей организации: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Тел.: +7 (843) 939-29-03

Электронная почта: public.mail@kpfu.ru

Сайт: <https://kpfu.ru>

Заведующий кафедрой русской литературы и методики ее преподавания, д.ф.н., доц.

Афанасьев Антон Сергеевич

Профессор кафедры русской литературы и методики ее преподавания, д.ф.н., доц.

Бреева Татьяна Николаевна

